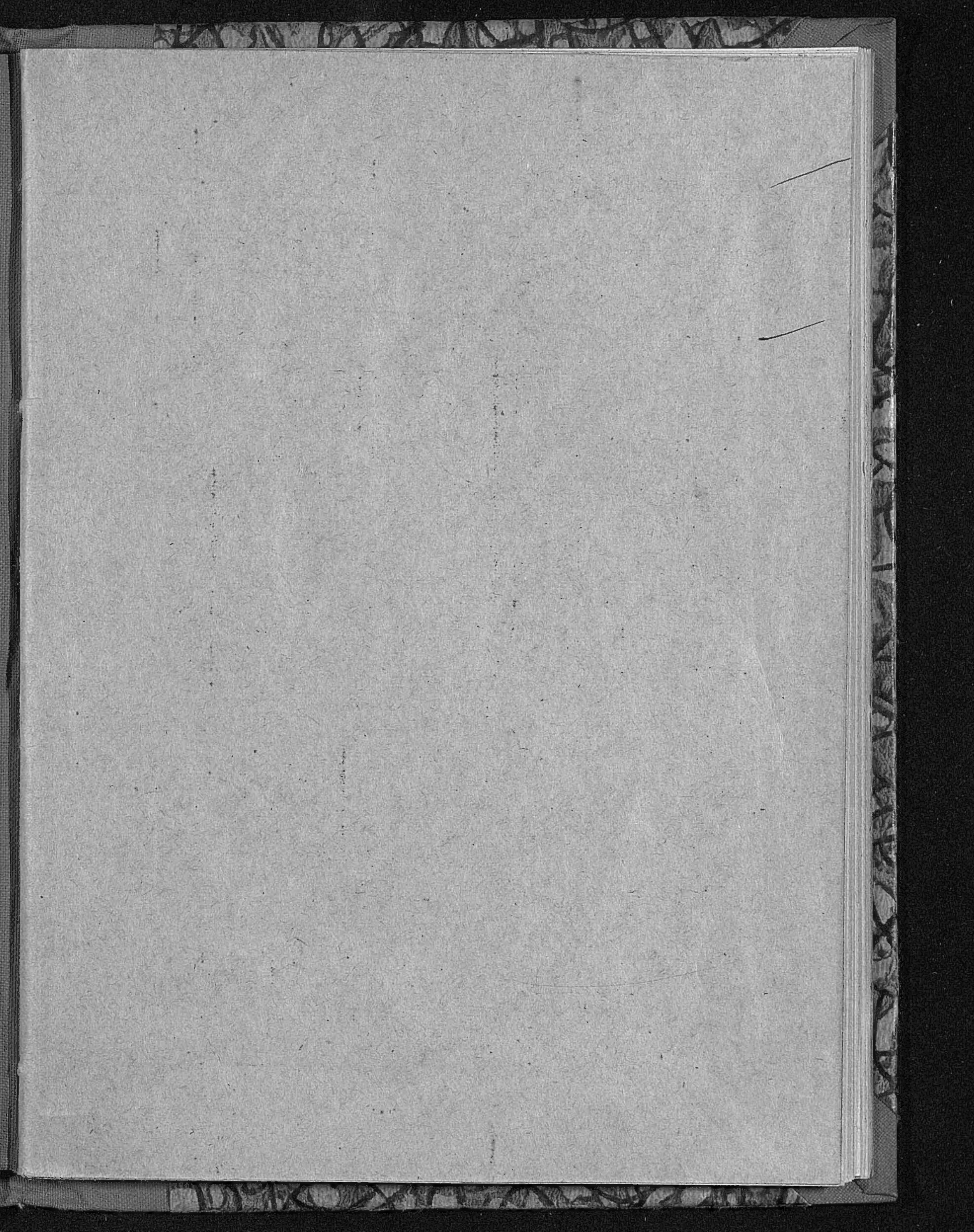
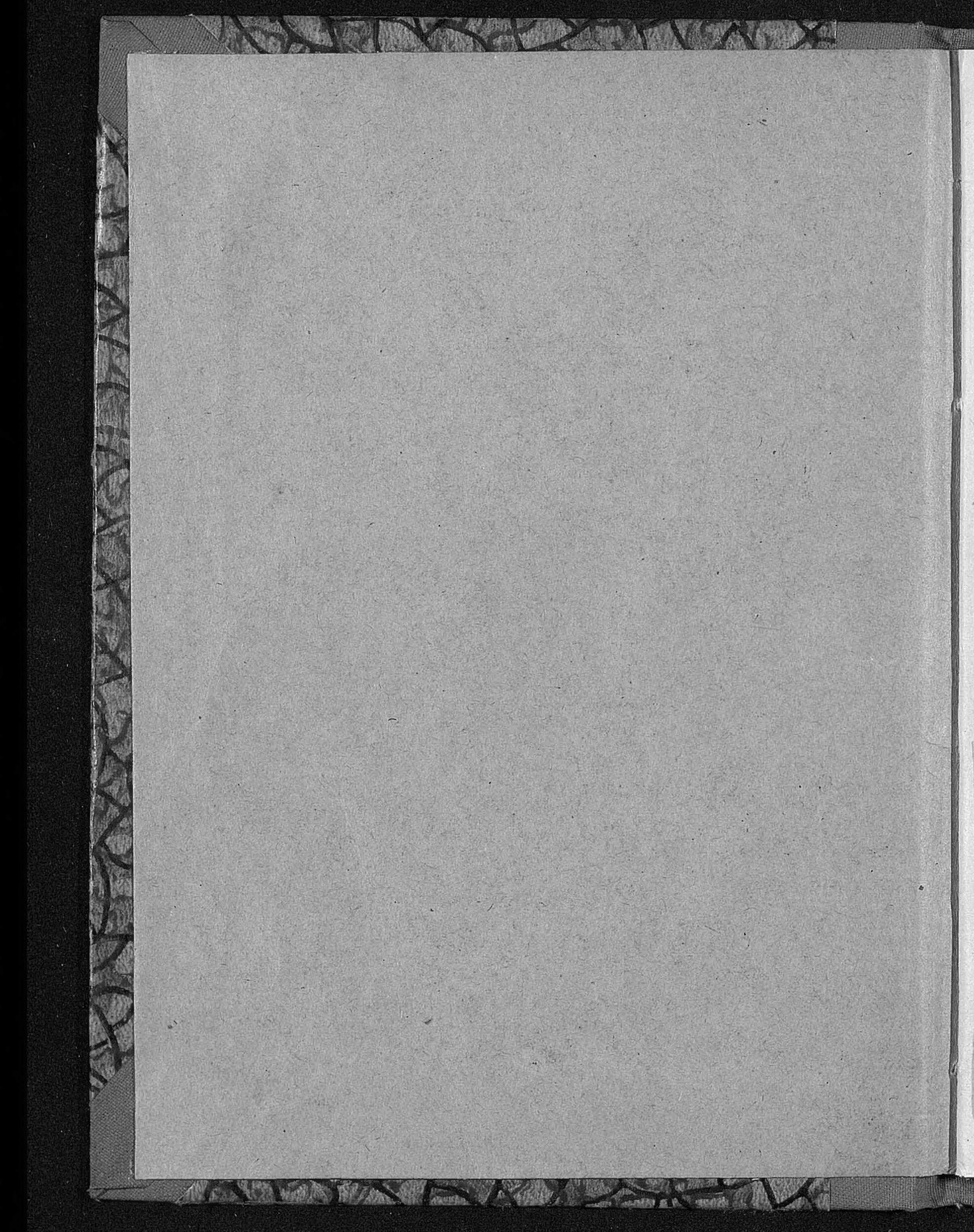
Лазаревский
Причины
и задачи...
1915,

Проф. Н. Лазаревскій.

ПРИЧИНЫ
и
ЗАДАЧИ ВОЙНЫ

1914—1915 гг.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Причины и задачи войны 1914—1915 гг.

Проф. Н. Лазаревскій.

ПРИЧИНЫ
и
ЗАДАЧИ ВОЙНЫ

1914—1915 гг.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Типографія И. Флейтмана, Петроградъ, Казанская, 45.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объявленіе войны.

1.

Объявленіе Германіей войны Россіи.

Настоящая война для судебъ Россіи представляетъ совершенно исключительное значеніе. Со времени наполеоновскихъ войнъ Россія, да и вся Европа не переживала такого напряженнаго момента.

Каждому мыслящему человѣку хочется разобраться въ развертывающихся передъ нами великихъ событіяхъ и сознательно выяснить себѣ ихъ происхожденіе и смыслъ.

Эта брошюра не ставитъ себѣ задачею выясненіе вопроса о возникновеніи войны во всемъ его объемѣ. Мы хотѣли только разобрать дипломатическіе переговоры, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, а также то умонастроеніе въ отдѣльныхъ государствахъ, которое заставило однихъ ухватиться за представившійся поводъ къ

войнѣ въ то время, какъ другія пытались сдѣлать все, отъ нихъ зависѣвшее, чтобы привести возникшее столкновеніе къ мирному разрѣшенію.

Исторія возникновенія войны естественно наводитъ на нѣкоторыя соображенія о томъ, какъ къ ней надо относиться.

* * *

15-го іюня 1914 г. въ Сараевѣ, столицѣ Босніи, одной изъ австрійскихъ земель, населенныхъ сербами, былъ убитъ наслѣдникъ австрійскаго престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Убійство это было послѣдствіемъ широкаго заговора, охватывавшаго и нѣкоторыхъ лицъ изъ королевства Сербіи.

10-го іюля Австрія обратилась къ Сербіи съ „нотою", написанною въ тонѣ, рѣзкость и даже оскорбительность котораго являются безпримѣрными для дипломатическаго документа [1]); требованія ноты, по признанію не только французскихъ и англійскихъ [2]), но и германскихъ [3]) дипломатовъ, были непріемлемы для достоинства каждаго независимаго государства.

Смыслъ ноты былъ тотъ, что сербскія интриги создали убійство наслѣдника, что Сербія должна покарать участниковъ преступленія, принять мѣры противъ распространенія великосербской идеи, арестовать такихъ-то лицъ, закрыть такое-то обще-

---

[1]) Всѣ выноски помѣщены въ концѣ брошюры.

ство и т. д., при этомъ Австрія требовала, чтобы Сербія допустила сотрудничество австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ Австріи [4]). Для отвѣта на всѣ эти требованія Австрія давала 48 часовъ.

Въ случаѣ неполученія отвѣта въ этотъ срокъ или въ случаѣ полученія неудовлетворительнаго отвѣта Австрія, какъ она объяснила англійскому правительству, собиралась начать не военныя дѣйствія, но военныя приготовленія противъ Сербіи [5]).

Желая сложить съ себя отвѣтственность за дальнѣйшія событія, германское правительство потомъ все время утверждало, что Австрія обратилась съ этою нотою къ Сербіи, не сообщивъ ея предварительно Германіи [6]). Однако 10-го іюля, т. е. въ тотъ самый день, когда вечеромъ нота была сообщена Сербіи, въ итальянскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ англійскому послу говорили, что Австрія предпринимаетъ рѣшительный шагъ [7]), и въ тотъ же день баварскій министръ говорилъ французскому посланнику въ Мюнхенѣ, что ему эта нота извѣстна [8]). Совершенно неправдоподобно, чтобы Австрія сообщила ноту Италіи или второстепенному германскому государству, не сообщивъ ея германскому имперскому правительству. И по англійскимъ свѣдѣніямъ нота была предварительно сообщена германскому послу въ Вѣнѣ и имъ протелеграфирована Вильгельму [9]). Еще до предъявленія ноты французскій посолъ въ Вѣнѣ писалъ, что тамъ главнымъ сторонникомъ насильственныхъ дѣйствій является

германскій посолъ[10]). Во всякомъ случаѣ характерно то, что 9-го іюля, т. е. наканунѣ врученія ноты, когда никто въ Европѣ не могъ предполагать, что можетъ вспыхнуть такой пожаръ, и когда все было спокойно, французскій посолъ въ Берлинѣ уже писалъ своему правительству [11]), что Германія въ этотъ день начала принимать мѣры, по закону начинающія тамъ мобилизацію; офицеры вызывались изъ отпусковъ, лица, состоящія въ запасѣ, получали извѣщеніе, что они обязаны быть готовы, начиная съ опредѣленнаго дня; такъ какъ въ Германіи каждый запасный комплектуетъ часть, стоящую вблизи его мѣстожительства, то послѣ такого предупрежденія то, что въ Германіи называется мобилизаціей (т. е. послѣдняя ея часть), производится уже въ самый краткій срокъ. Повидимому, всякое сомнѣніе относительно того, что Австрія, посылая эту ноту, дѣйствовала по предварительному соглашенію съ Германіей, устраняется тѣмъ, что подробная инструкція германскимъ посламъ въ Петроградѣ, Парижѣ и Лондонѣ по поводу этой ноты была дана изъ Берлина въ тотъ же день, когда она вечеромъ была предъявлена Сербіи [12]).

Получивъ австрійскую ноту, Сербія обратилась за совѣтомъ и поддержкой къ Россіи. Русское правительство рекомендовало Сербіи возможную уступчивость и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщало свою поддержку [13]). О томъ, что Россія не предоставитъ Сербію ея судьбѣ, тогда же были оповѣщены всѣ державы [14]). Такое отношеніе Россіи вполнѣ естественно: Россія всегда признавалась защитницею балканскихъ славянъ. Въ данномъ случаѣ имѣ-

лось нападеніе великой державы на небольшое государство, разоренное и истощенное недавними войнами съ Турціей и съ Болгаріей.

Въ этомъ своемъ стремленіи защитить Сербію Россія стояла уединенно: Франція и Англія относились къ Сербіи безразлично. Англійское правительство говорило, что у Англіи тамъ нѣтъ интересовъ, и что англійское общественное мнѣніе будетъ противъ войны изъ-за Сербіи [15]). Поэтому онѣ употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы добиться мирнаго разрѣшенія дѣла, такъ какъ понимали, что если Россіи придется выступить за Сербію съ оружіемъ въ рукахъ, то и онѣ будутъ втянуты въ войну.

Россія прежде всего предложила Франціи, Германіи и Англіи попытаться добиться отъ Австріи согласія хотя бы на то, чтобы срокъ, данный Сербіи для отвѣта, былъ нѣсколько продленъ [16]). Германія отъ участія въ дѣлѣ уклонилась [17]), и вся попытка ни къ чему не привела: на эти два дня австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ уѣхалъ изъ Вѣны, и оказалось, что добиваться согласія не у кого [18]).

Сербскій отвѣтъ былъ данъ въ указанный срокъ [19]) и съ точностью удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ Австріи. Сербія соглашалась даже и на потребованное Австріей допущеніе ея чиновниковъ въ дѣло преслѣдованія противо-австрійской пропаганды въ самой Сербіи, хотя это требованіе самымъ рѣзкимъ образомъ нарушало права Сербіи, какъ самостоятельнаго государства, ибо ни одно государство не допускаетъ у себя дѣятельности чужихъ судебныхъ или полицейскихъ чиновни-

ковъ. Сербія дѣлала однако при этомъ ту само собою разумѣющуюся оговорку, что она согласна на это сотрудничество, „поскольку оно соотвѣтствуетъ правиламъ международнаго права и уголовнаго судопроизводства и добрососѣдскимъ отношеніямъ между двумя государствами“. Въ заключеніе отвѣта говорилось, что еслибы Австрія все таки имъ не удовлетворилась, то Сербія готова пойти на мирное соглашеніе „путемъ передачи этого вопроса на разрѣшеніе гаагскаго международнаго суда или великихъ державъ“.

Въ дипломатическомъ мірѣ, не только со стороны державъ, тогда въ дѣлѣ еще не заинтересованныхъ [20]), но даже и среди австрійскихъ дипломатовъ [21]), сербскій отвѣтъ признавался безусловно удовлетворительнымъ.

11-го іюля, т. е. наканунѣ сербскаго отвѣта, французскій посолъ въ Берлинѣ писалъ своему правительству, что настроеніе въ Берлинѣ гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ Вѣнѣ. 12-го іюля, когда сербскій отвѣтъ въ Берлинѣ еще не былъ извѣстенъ, онъ писалъ, что въ Берлинѣ высказываются опасенія, что Сербія просто подчинится всѣмъ требованіямъ Австріи [22]), и это дастъ державамъ возможность предупредить разрывъ. Въ тотъ же день началось значительное передвиженіе войскъ къ французской границѣ [23]), желѣзныя дороги, станціи и мосты были поставлены подъ военную охрану [24]). 12-го числа англійскій посолъ въ Вѣнѣ писалъ, что тамъ удовлетворительнаго отвѣта Сербіи не ожидаютъ и даже не желаютъ его [25]).

Получивъ сербскій отвѣтъ, австрійское правительство заявило, что Сербія удовлетворительнаго

отвѣта не дала, и что „подъ пустымъ предлогомъ она отклонила требованіе о сотрудничествѣ австрійскихъ властей“.

Зная, что за этимъ должны послѣдовать военныя приготовленія Австріи, державы начали принимать всѣ мѣры для того, чтобы уладить это столкновеніе.

Въ пользу мира какъ будто дѣйствовала также и Германія, при чемъ однако всѣ ея старанія были направлены на то, чтобы „локализировать“ войну, т. е. добиться того, чтобы она шла только между Австріей и Сербіей одинъ на одинъ [26]). Германія настаивала на томъ, что война между Австріей и Сербіей есть внутреннее дѣло Австріи, говоря [27]), что Австрія не стремится къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ на счетъ Сербіи, и что потому Россія можетъ относиться къ этому столкновенію равнодушно [28]). Россія же указывала на то, что Австрія, и не отнимая земель у Сербіи, можетъ разорить ее и лишить самостоятельности [29]). Другія великія державы, кромѣ Германіи, тоже не могли пойти на то, чтобы признать, что дѣло касается только Австріи и Сербіи: нельзя было предоставить нѣмцамъ раздѣлываться со своими противниками по одиночкѣ.

Когда выяснилось, что нельзя добиться отсрочки для сербскаго отвѣта, Россія и Англія начали (12-го іюля) добиваться отсрочки тѣхъ принудительныхъ мѣръ, которыя Австрія предполагала предпринять противъ Сербіи [30]). Англія предложила Австріи и другимъ державамъ или образованіе конференціи великихъ державъ, которая разсмотрѣла бы столкновеніе между Россіей и Сербіей

съ одной стороны и Австріей съ другой, или же простое посредничество между ними [31]). Россія, Франція и Италія сразу же согласились на это предложеніе [32]). При этомъ Англія и Франція, указывая на то, что у Австріи отношенія лучше всего съ Германіей, настаивали на томъ, чтобы умиротворяющія представленія Австріи были сдѣланы именно Германіей [33]). Германія 14-го іюля утромъ согласилась на участіе въ посредничествѣ [34]).

Въ ночь на 14-ое Вильгельмъ вернулся изъ Норвегіи въ Берлинъ. 14-го же іюля, вопреки своему рѣшенію, высказанному въ тотъ же день утромъ, Германія отвергла предложеніе державъ принять участіе въ посредничествѣ между Россіей и Австріей на томъ основаніи, что это посредничество непріемлемо для Австріи, при чемъ сдѣлала это раньше [35]), чѣмъ ей былъ сообщенъ отрицательный отвѣтъ Австріи на то же предложеніе (пришедшій 15-го).

Въ теченіе послѣдующихъ дней, несмотря на то, что никто не настаивалъ именно на конференціи [36]), а Россія соглашалась вообще на всякую форму посредничества, могущую уладить дѣло [37]), или даже вообще на всякое предложеніе, которое бы ей сдѣлали Франція и Англія [38]), Германія все время продолжала указывать на то, что конференція это та форма, которая для Австріи непріемлема [39]). Что же касается посредничества, то Германія соглашалась на него только въ формѣ представленія русскому правительству о необходимости не вмѣшиваться въ австро-сербское столкновеніе [40]). 15-го іюля въ 12 часовъ дня Австрія объявила войну Сербіи [41]).

Независимо отъ переговоровъ черезъ посредство незаинтересованныхъ великихъ державъ, Россія, по совѣту Германіи [42]), предложила Австріи вступить съ нею также и въ непосредственные переговоры [43]). Австрія сразу же отказалась (15-го іюля), говоря, что послѣ объявленія ею войны Сербіи всякіе переговоры безполезны [44]); кромѣ того она заявила (15-го іюля), что вообще отказывается вести переговоры относительно сербской ноты [45]).

15-го іюля Австрія начала мобилизацію половины своей арміи (8-ми корпусовъ изъ 16-ти), въ томъ числѣ и частей, расположенныхъ на русской границѣ [46]). На другой день была объявлена частичная мобилизація и въ Россіи (Кіевскаго, Одесскаго, Московскаго и Казанскаго округовъ). Несмотря на это, Россія настойчиво продолжала свои попытки путемъ переговоровъ предотвратить нападеніе на Сербію или по крайней мѣрѣ остановить его развитіе.

15-го іюля вечеромъ (10 ч. 45 м.) Вильгельмъ телеграфировалъ Государю, сообщая, что онъ „употребляетъ все свое вліяніе, чтобы убѣдить Австрію прійти къ соглашенію съ Россіей“ [47]).

Государь отвѣчалъ (16-го) двумя телеграммами. Въ одной (въ часъ дня) Онъ просилъ Вильгельма помочь ему предупредить то бѣдствіе, какимъ была бы европейская война, и сдѣлать все возможное, чтобы удержать Австрію отъ слишкомъ рѣшительныхъ шаговъ [48]). Въ другой телеграммѣ Государь писалъ „Благодарю за Вашу телеграмму, примирительную и дружественную. Между тѣмъ, официальное сообщеніе, переданное сегодня Вашимъ посломъ Моему министру, было совершенно въ

другомъ тонѣ. Прошу Васъ объяснить это разногласіе. Было бы правильно передать австро-сербскій конфликтъ на гаагскую конференцію. Расчитываю на Вашу мудрость и дружбу“ [48a]). Весьма знаменательно, что германское правительство, опубликовавшее весь обмѣнъ телеграммами между Государемъ и Вильгельмомъ, этой послѣдней телеграммы не привело. Между тѣмъ это предложеніе Россіи не только устраняло всякій поводъ къ войнѣ, но и создавало для Австріи возможность полнаго удовлетворенія всѣхъ ея требованій, поскольку тѣ обвиненія, которыя она выдвигала противъ Сербіи, имѣли дѣйствительное основаніе.

На эти телеграммы Вильгельмъ отвѣчалъ (16-го въ 6 час. 30 мин. веч.), что, по его мнѣнію, Россія могла бы остаться простымъ зрителемъ въ столкновеніи между Сербіей и Австріей, но что онъ „всѣми своими силами старается создать соглашеніе между Россіей и Австріей“ [49]). О воздѣйствіи на Австрію въ эти дни германскіе дипломаты говорили неоднократно [50]), но не смотря на то, что вся дипломатическая переписка этихъ дней опубликована, ни такихъ телеграммъ Вильгельма или германскаго правительства въ Вѣну, ни отвѣтовъ на нихъ нигдѣ нѣтъ. Даже о содержаніи или о существованіи ихъ нигдѣ не упоминается. Есть только одна телеграмма германскаго посла въ Вѣнѣ отъ 14-го іюля о томъ, что онъ сообщилъ австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ о желаніи Россіи вступить въ непосредственные переговоры съ Вѣною; но изъ нея не видно, чтобы порученіе сдѣлать это сообщеніе было ему дано послѣ возвращенія Вильгельма въ Берлинъ [50a]).

Рѣшительный тонъ русскаго правительства въ теченіе всѣхъ переговоровъ, подтвержденіе Государя Сербіи (16-го іюля), что Онъ ея не оставитъ своею помощью, если войны нельзя будетъ предотвратить или остановить [51]), а также начавшаяся мобилизація, повидимому, выяснили Австріи, что господствовавшее въ Вѣнѣ убѣжденіе, что Россія дѣйствовать не можетъ, неправильно [52]), и Австрія начала (съ 16-го) выражать Россіи готовность вступить съ нею въ непосредственные переговоры, уполномочивъ австрійскаго посланника въ Петроградѣ [53]) на измѣненіе австрійской ноты и соглашаясь дать гарантію того, что военныя дѣйствія противъ Сербіи будутъ пріостановлены, что Австрія не только не сдѣлаетъ земельныхъ пріобрѣтеній на счетъ Сербіи, но и не посягнетъ на ея независимость. Англія и Франція привѣтствовали такой исходъ дѣла.

Почва для мирнаго соглашенія, какого искала Россія, казалось, была найдена. Однако, въ это самое время Вильгельмъ, повидимому, безъ сношенія съ Австріей [54]), сообщилъ Государю, что Его предложенія для Австріи непріемлемы [55]). Тѣмъ временемъ въ Австріи была объявлена общая мобилизація, на которую [56]) Россія отвѣтила тоже общею мобилизаціею. Но при этомъ Россія и Австрія оговорились, что это только предупредительныя мѣры, и что онѣ не мѣшаютъ дальнѣйшему теченію переговоровъ [57]).

17-го іюля полученныя въ Петроградѣ свѣдѣнія о германскихъ военныхъ приготовленіяхъ носили уже прямо „угрожающій характеръ“ [58]), тѣмъ

не менѣе Россія продолжала переговоры въ надеждѣ обезпечить миръ [59]).

До возвращенія Вильгельма въ Берлинъ германское правительство сообщало, что оно возражаетъ противъ мобилизаціи Россіею западныхъ округовъ, направленной противъ Германіи, и ничего не имѣетъ противъ мобилизаціи южныхъ округовъ, направленной противъ Австріи [60]). Въ часъ ночи на 17-ое іюля Вильгельмъ телеграфировалъ Государю, что если Онъ не прекратитъ мобилизаціи четырехъ округовъ (противъ Австріи), то его посредничество между Россіею и Австріею окажется сильно затрудненнымъ [61]), что, очевидно, вовсе не соотвѣтствовало отношенію самой Австріи къ русской мобилизаціи [62]), ибо Австрія противъ этой мобилизаціи не только не протестовала, но напротивъ того, послѣ нея согласилась вступить въ переговоры съ Россіей. Государь отвѣчалъ телеграммою (17-го, въ часъ 20 мин. дня), что Его военныя мѣры являются вынужденнымъ средствомъ защиты противъ военныхъ приготовленій Австріи, выражалъ надежду, что эти мѣры не помѣшаютъ посредничеству Вильгельма, и настойчиво просилъ его продолжать содѣйствовать соглашенію Австріи съ нами [63]).

Когда на слѣдующій день (18-го) въ отвѣтъ на общую мобилизацію Австріи была объявлена общая мобилизація и въ Россіи, Государь (въ 2 часа дня) телеграфировалъ Вильгельму, что наша мобилизація вызвана австрійскою, и говорилъ: „Мы очень далеки отъ того, чтобы желать войны. Пока будутъ продолжаться переговоры съ Австріей о Сербіи, Мои войска не предпримутъ наступатель-

ныхъ дѣйствій. Въ этомъ Я даю тебѣ торжественное Мое слово“ [64]).

Еще до полученія этой телеграммы [65]) Вильгельмъ (того же 18-го въ два часа дня) телеграфировалъ Государю, что онъ болѣе не можетъ являться посредникомъ между Россіею и Австріею, и что онъ изъ предосторожности тоже начинаетъ мобилизацію [66]). Въ тотъ же день вечеромъ (въ 12 час. ночи на 19-е) Германія потребовала отъ Россіи, чтобы она въ теченіе 12-ти часовъ прекратила свою мобилизацію, и при томъ какъ на германской границѣ, такъ и противъ Австріи. Это требованіе въ отвѣтъ на послѣднюю телеграмму Государя не только по своей рѣзкости было расчитано на то, чтобы его нельзя было принять [67]), но и по существу было непріемлемымъ, такъ какъ Австрія оставалась вся мобилизованною, и Германія подъ другимъ именемъ довела свою мобилизацію почти до конца и двинула свои войска на границы [68]).

Государь отвѣчалъ телеграммою (въ 2 часа дня 19-го), что Онъ понимаетъ, что Вильгельмъ вынужденъ начать мобилизацію, проситъ, чтобы онъ тоже далъ ручательство, какое было дано и Государемъ, и надѣется, что начавшаяся мобилизація не помѣшаетъ дальнѣйшему теченію переговоровъ, и что опасность нарушенія мира будетъ ко всеобщему благу устранена [69]).

На это Вильгельмъ телеграфировалъ, что, не имѣя въ указанный имъ срокъ отвѣта на свое предложеніе Россіи прекратить мобилизацію, онъ ничего по содержанію этой телеграммы отвѣтить не можетъ [70]), и въ 7 часовъ 10 мин. вечера въ

тотъ же день (19-го) Германія объявила войну Россіи.

Объявленіе войны Россіи со стороны Германіи повидимому было неожиданностью для Австріи. Она даже не сразу примкнула къ Германіи. Только 24-го іюля она объявила русскому правительству, что „въ виду угрожающаго положенія Россіи въ австро-сербскомъ столкновеніи, а также въ виду того, что Россія начала враждебныя дѣйствія противъ Германіи, Австро-Венгрія тоже считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей“ [71]).

2.

Объявленіе Германіей войны Франціи.

Франціи Германія объявила войну 21-го іюля, только черезъ два дня послѣ объявленія войны Россіи.

Эта задержка произошла, повидимому, потому, что Вильгельмъ, объявляя войну Россіи, сдѣлалъ попытку „локализировать“ также и эту войну, предложивъ личною телеграммою на имя англійскаго короля, что если Франція на Германію не нападетъ, и если нейтралитетъ Франціи будетъ гарантированъ англійскими военными силами, то и Германія не начнетъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи, и срокомъ для отвѣта указывалъ при этомъ вечеръ 21-го іюля. Англійскій король отвѣчалъ, что предложеніе Вильгельма основывается, повидимому, на недоразумѣніи [72]).

Въ объявленіи войны Франціи Австрія проявила еще меньше поспѣшности, чѣмъ въ объявленіи войны Россіи. 27-го іюля въ отвѣтъ на запросъ французскаго правительства французскій посланникъ въ Вѣнѣ получилъ категорическое заявленіе австрійскаго правительства, что австрійскихъ войскъ не пошлютъ на западную границу Германіи, а на другой день это было письменно подтверждено съ добавленіемъ, что австрійскія войска не будутъ доставлены на Западъ Германіи и для того, чтобы замѣнить германскія войска, отправленныя въ бой [73]). Однако, въ виду враждебныхъ выходокъ вѣнскаго населенія, французскій посолъ призналъ необходимымъ уѣхать изъ Вѣны (30-го іюля) [74]). Въ тотъ же день французское правительство объявило войну Австріи, такъ какъ австрійскія войска уже сражались на французской границѣ [75]).

3.

Объявленіе Англіей войны Германіи.

Исторія вступленія въ войну Англіи болѣе сложна.

Съ самаго начала столкновенія Австріи съ Сербіей, а потомъ съ Россіей, англійское правительство опредѣленно стало на ту точку зрѣнія, что Австрія въ своихъ требованіяхъ неправа, и потому во всѣхъ переговорахъ стояло на сторонѣ Россіи. Но относительно возможности участія въ войнѣ изъ-за Сербіи англійскіе государственные люди

все время говорили, что такая война для Англіи невозможна (см. выше, стр. 9). Однако нравственное возмущеніе неправотою австрійскихъ требованій было въ Англіи столь велико, что это уже могло отразиться на образѣ дѣйствій англійскаго правительства; тѣмъ не менѣе, когда начала возникать возможность европейской войны, англійское правительство, не зная, какъ отнесется къ дѣлу парламентъ, все время отказывалось принять на себя какія либо формальныя обязательства передъ Франціей и Россіей. Все это, повидимому, создало полную увѣренность Германіи въ томъ, что въ случаѣ вооруженнаго столкновенія Англія не станетъ на сторону Россіи и Франціи [76]).

Когда Германія стала опредѣленно склоняться въ сторону войны, она начала стараться формально обезпечить себѣ нейтралитетъ Англіи.

16-го іюля германскій канцлеръ въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ пытался добиться обѣщанія нейтралитета Англіи за обязательство Германіи не дѣлать земельныхъ пріобрѣтеній за счетъ европейскихъ владѣній Франціи [77]). Англія отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ [78]).

Тогда Германія предложила Англіи обезпечить свой нейтралитетъ, обѣщая неприкосновенность не только европейскихъ владѣній, но и колоній Франціи [79]). Англія и въ этомъ отказала [80]).

Возможность активнаго выступленія Англіи противъ Германіи стала особенно выясняться, когда возникъ вопросъ о нарушеніи Германіей нейтралитета Бельгіи [81]). Германія сначала вступила въ переговоры съ Англіей, добиваясь ея согласія на то, чтобы Германія заняла Бельгію своими вой-

сками съ обязательствомъ очистить ее по заключеніи мира и съ обязательствомъ не отторгать земель у Бельгіи [82]). Англія не согласилась. Потомъ Германія предлагала, что она, занимая Бельгію, оставитъ нетронутою прибрежную полосу [83]).

Англія отвѣчала, что нейтралитетъ Бельгіи препятствуетъ вообще проходу черезъ нее армій воюющихъ державъ [84]).

Тѣмъ не менѣе Германія 22-го іюля вторглась въ Бельгію, и Англія (23-го іюля) заявила, что она, вѣрная принятымъ на себя обязательствамъ, совмѣстно съ Россіей и Франціей будетъ защищать Бельгію силою своего оружія [85]). Повидимому это выступленіе Англіи произвело совершенно ошеломляющее впечатлѣніе на германское правительство [86]): оно существеннымъ образомъ измѣняло всѣ военные расчеты Германіи. Но дѣло было сдѣлано, и Германіи съ Австро-Венгріей приходилось уже имѣть дѣло не съ двумя, а съ тремя противниками.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чѣмъ въ дѣйствительности была вызвана война.

—

1.

Отношеніе къ войнѣ Россіи, Франціи и Англіи.

Въ 1876 г. мы сами начали войну съ Турціей. Но это была война за освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига. Только для того, чтобы разъ на всегда положить конецъ мученіямъ южныхъ славянъ, русское правительство и русское общество могли пойти на то, чтобы подвергать людей всѣмъ ужасамъ войны, а государство—ея экономическимъ послѣдствіямъ. Затѣмъ, мы вели войну съ Японіей, но ни русское правительство, ни русское общество этой войны не желали, и русское общество относилось къ самой войнѣ и встрѣтило ея исходъ съ удивительнымъ безразличіемъ. И еслибы войны вообще и навсегда прекратились, то все русское общество почти поголовно отнеслось бы къ этому, какъ къ великому благу.

Правда, что наша армія все росла. За последнее время, послѣ японской войны, на воссозданіе флота и на реорганизацію арміи были ассигнованы громадныя средства. Но эти военныя издержки вызывались не завоевательными стремленіями Россіи, а необходимостью идти вровень съ другими государствами, постоянно увеличивавшими свои вооруженія, и тѣмъ, что Россіи приходится защищать безконечную линію границы—съ Японіей, Китаемъ, среднеазіатскими народностями, Персіей, Турціей, Румыніей, Австро-Венгріей, Германіей, Швеціей и Норвегіей,— не считая еще морскихъ границъ, на которыя можетъ напасть каждый. Въ 1854 г., во время Крымской кампаніи, на насъ, кромѣ Турціи, напали Англія, Франція и Сардинія.

Интересы Россіи давно уже требовали свободнаго выхода изъ Чернаго моря; но о томъ, чтобы вести войну изъ-за проливовъ, рѣчи никогда не было; русское общественное мнѣніе такой войны не требовало, и на то, чтобы русское правительство желало такой войны, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній. Настоящая война возникла по поводу отношеній Австріи къ Сербіи; тутъ не было ничего, что бы мы хотѣли завоевать. Мы ничего отъ другихъ для себя не желали, ничего имъ въ своихъ интересахъ не навязывали. Мы только путемъ уговоровъ старались вступиться за слабаго, на котораго нападалъ сильнѣйшій.

Надо отмѣтить, что всякое предположеніе, будто въ интересахъ Россіи было вызвать войну именно въ настоящее время, безусловно опровергается уже однимъ тѣмъ, что на усиленіе арміи

и флота у насъ только что были отпущены огромныя суммы, которыя еще не были (и не могли быть) использованы; еслибы войны хотѣли мы, и еслибы мы сами выбирали, когда ее начать, то, конечно, подождали бы годъ, полтора, когда боевая готовность нашей арміи и флота была бы во всякомъ случаѣ еще много выше той, какая оказалась на дѣлѣ. Къ тому же въ это время въ Россіи происходили рабочіе безпорядки исключительной силы (въ Петроградѣ, Москвѣ, въ Баку), что во всякомъ случаѣ являлось условіемъ весьма неблагопріятнымъ для войны. Правда, что съ началомъ войны рабочіе сразу же прекратили эти волненія. Но нельзя было быть заранѣе увѣреннымъ въ томъ, что рабочіе повсемѣстно проявятъ такой патріотизмъ и такой политическій смыслъ.

Общественное мнѣніе Франціи передъ настоящею войною тоже было настроено вполнѣ миролюбиво. Непосредственно послѣ франко-прусской войны Франція довольно долго жила мыслью о „реваншѣ" и о томъ, чтобы получить обратно Эльзасъ и Лотарингію. Франція проявляла самыя напряженныя усилія для того, чтобы держать свою армію въ положеніи, возможно приближающемся къ германской, что при 40-милліонномъ населеніи Франціи и 70-ти милліонномъ населеніи Германіи въ концѣ концовъ оказалось для Франціи совершенно непосильнымъ, и въ настоящее время французская армія въ численности значительно уступаетъ германской. Съ теченіемъ времени непосредственное чувство боли и обиды сгладилось, и современное поколѣніе живетъ уже интересами настоящаго времени, а среди нихъ во Франціи

сейчасъ нѣтъ такихъ, которые нуждались бы въ осуществленіи силою оружія; напротивъ того, торговые и промышленные интересы всего населенія, очевидно, должны были пострадать отъ всякой войны, и потому общественное мнѣніе вообще рѣшительно было настроено въ пользу мира.

Къ этимъ общимъ соображеніямъ, создававшимъ миролюбивое настроеніе Франціи, противъ войны въ настоящее время говорило еще и то, что Франція теперь не считала себя подготовленной къ войнѣ. До послѣднихъ лѣтъ Франція полагалась на то, что Германія не нарушитъ нейтралитета Бельгіи и Люксембурга, и та часть границы Франціи, которая прилегаетъ къ этимъ двумъ государствамъ, была мало защищена. За самое послѣднее время Франція приступила къ переустройству своихъ крѣпостей на бельгійскомъ фронтѣ, и для того, чтобы довести до конца хотя бы главныя работы, оставалось еще больше года; наконецъ, ко времени начала войны еще не могъ быть введенъ въ дѣйствіе только что изданный 3-го іюля 1914 г. законъ, который устанавливалъ трехлѣтнюю службу вмѣсто двухлѣтней и тѣмъ значительно повышалъ и численность французской арміи, и ея подготовку.

Что же касается самаго момента возникновенія осложненій, то австрійская нота была послана въ Бѣлградъ 10-го іюля, какъ разъ въ то время, когда президентъ французской республики и ея министръ иностранныхъ дѣлъ были на пароходѣ въ пути изъ Петрограда въ Парижъ, и такимъ образомъ французскіе дипломаты были лишены руководителей.

Въ Англіи еще передъ самою войною никто о ней не думалъ и никто ея не хотѣлъ. Такого рода торговыхъ или политическихъ интересовъ, которые требовали бы своего осуществленія силою, въ настоящее время у Англіи нѣтъ. Все вниманіе общественнаго мнѣнія, всѣ заботы правительства были поглощены внутренними дѣлами: перестройкою всей податной системы, установленіемъ пенсій старикамъ и другими соціальными реформами, разрѣшеніемъ ирландскаго вопроса. Всѣ эти внутреннія дѣла не только отвлекали вниманіе отъ международной политики, но и требовали такихъ расходовъ, что траты на вооруженіе должны были быть соотвѣтственно уменьшены, и Англія за послѣдніе годы оказалась вынужденною временно отказаться отъ того основного начала своей судостроительной программы,—чтобы ея флотъ былъ сильнѣе совокупныхъ флотовъ любыхъ двухъ державъ континента Европы.

Какъ это уже было указано [87]), англійское правительство до самой послѣдней минуты даже не знало, пожелаетъ ли парламентъ вмѣшиваться въ европейскую войну, и потому не могло дѣйствовать сколько нибудь рѣшительно; несмотря на стремленіе Россіи и Франціи получить формальное обѣщаніе поддержки со стороны Англіи, ея правительство этого обѣщанія дать не могло. Даже, когда Германія объявила войну Россіи, въ Англіи правительствс еще ничего не могло рѣшить. Только нападеніе на Бельгію возмутило общественное мнѣніе Англіи [88]) и рѣшило вопросъ о войнѣ.

2.

Почему Германія вообще желала войны.

Въ Германіи и общество, и правительство вообще смотрятъ на войну не только, какъ на нѣчто неизбѣжное, но и какъ на нѣчто само по себѣ желательное. Это обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ, коренящихся какъ въ условіяхъ государственной жизни Германіи, такъ и въ томъ духѣ, которымъ прусское правительство заразило Германію.

За послѣднія 50 лѣтъ всѣ страны значительно развились въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, но быть можетъ ни одна страна не достигла такихъ успѣховъ, какъ Германія. Ростъ народнаго богатства сопровождался также и сильнымъ ростомъ населенія: считаютъ, что въ годъ населеніе Германіи увеличивается на 900.000 душъ. Всѣмъ народамъ стало тѣсно жить, и эта тѣснота особенно чувствуется въ Германіи.

Экономическіе успѣхи Германіи вполнѣ понятны; нѣмцы отличаются цѣлымъ рядомъ крупныхъ достоинствъ: они трудолюбивы, настойчивы, выдержаны, общій уровень образованія во всей странѣ чрезвычайно высокъ, они исключительно честны въ личныхъ повседневныхъ отношеніяхъ, обладаютъ большимъ умѣніемъ вести дѣло общественно.

Но вмѣстѣ съ этими крупными достоинствами они пріобрѣли, по крайней мѣрѣ за послѣднія десятилѣтія, одно невыносимое для другихъ свойство,—глубокое убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ надъ всѣми народами, и во всѣхъ отно-

шеніяхъ. Признавая еще, быть можетъ, нѣкоторыя достоинства за англичанами, нѣмцы презираютъ французовъ, какъ націю вымирающую, и всѣ славянскіе народы, какъ какую-то низшую расу, предназначенную къ тому, чтобы быть въ подчиненномъ положеніи у германцевъ.

Это отношеніе къ другимъ народамъ, мало проявляющееся у отдѣльныхъ германцевъ, принимаетъ у нихъ крайне рѣзкія формы, когда они дѣйствуютъ сообща; такой же характеръ носятъ и отношенія Германіи и въ особенности Пруссіи къ другимъ государствамъ. Вмѣсто дѣловой личной порядочности отдѣльныхъ нѣмцевъ, Пруссія, какъ государство, отличается совершенно иными свойствами: она считаетъ, что ей все позволено, въ особенности, когда этого требуютъ ея военные интересы. Она то захватываетъ врасплохъ у своей союзницы какую либо область (напр., у Австріи Силезію въ 1740 г. или Голштинію въ 1866 г.), то поддѣлываетъ и сообщаетъ завѣдомо ложный документъ, чтобы вызвать войну въ тотъ моментъ, когда ей это удобно (съ Франціей въ 1870 г.). При усмиреніи боксерскаго движенія Вильгельмъ указывалъ своей арміи, какъ на образецъ, на гунновъ.

Всѣ противники Германіи въ глазахъ нѣмцевъ неправы уже потому, что они возстаютъ противъ нихъ,—носителей высшей культуры.

Пруссія силою своей арміи сравнительно въ незначительное время достигла того, что изъ мелкаго государства стала одною изъ великихъ державъ. Короли, а за ними дворянство и весь народъ, стали дорожить арміею, преклоняться передъ

нею, ею любоваться. Армія кажется имъ цвѣтомъ земли, все населеніе воспитывается въ восторгѣ передъ арміею и каждымъ военнымъ, и все государство оказывается какъ бы придаткомъ къ арміи.

Этотъ духъ военщины, сильный въ Пруссіи уже въ XVIII вѣкѣ, еще усилился во второй половинѣ XIX вѣка, главнымъ образомъ въ связи съ событіями 1864—1871 гг. Въ 1864 г. Пруссія съ Австріею напали на маленькую Данію и отняли отъ нея провинціи Шлезвигъ, Голштинію и Лауэнбургъ; сначала онѣ подѣлили добычу такъ, что Пруссія получила Шлезвигъ и Лауэнбургъ, Австрія — Голштинію (гаштейнскій договоръ 14-го августа 1865 г.). Но уже 7-го іюня 1866 г. Пруссія заняла своими войсками и Голштинію; Австрія протестовала, и 18-го іюня Пруссія объявила ей войну; эта война очень скоро окончилась разгромомъ Австріи (при Садовой, 3-го іюля); въ ближайшіе за тѣмъ дни были разбиты союзники Австріи (Баварія, Баденъ, Кур-Гессенъ, Ганноверъ, Франкфуртъ и др. сравнительно уже мелкія германскія государства). Послѣдствіемъ этой войны было присоединеніе къ Пруссіи нѣсколькихъ германскихъ государствъ (Ганноверъ, Кур-Гессенъ, Нассау, Франкфуртъ) и образованіе подъ главенствомъ Пруссіи „Сѣверо-Германскаго Союза", въ составъ котораго вошли сѣверныя германскія государства (т. е. всѣ нѣмецкія государства, кромѣ Австріи, Баваріи, Вюртемберга и Бадена).

Послѣдствіемъ этой войны были не только земельныя пріобрѣтенія Пруссіи (увеличившія ея населеніе съ 18-ти милліоновъ до 24-хъ), но и то, что Пруссія вовсе вытѣснила Австрію, свою дав-

нишнюю соперницу въ преобладаніи среди германскихъ государствъ, изъ ихъ состава. На исключеніе изъ Сѣверо-Германскаго Союза Баваріи, Вюртемберга и Бадена настояла Франція, которая въ этой войнѣ оказала Пруссіи весьма сильную косвенную поддержку, но не хотѣла чрезмѣрнаго ея усиленія.

Въ 1870 г. Пруссія вмѣстѣ съ другими германскими государствами начала войну съ Франціей и вела ее тоже съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Въ теченіе этой войны, когда сопротивленіе Франціи было уже сломлено, 5-го января 1871 г. къ Сѣверо-Германскому Союзу примкнули южно-германскія государства и образовали „Германскую Имперію", своеобразное государство, въ составъ котораго вошло 25 германскихъ государствъ (Пруссія, Баварія, Саксонія, Вюртембергъ и др.). Эти государства сохранили свое прежнее устройство, своихъ королей и въ нѣкоторыхъ дѣлахъ внутренняго управленія остались самостоятельными, а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ подчинились имперскимъ (союзнымъ) учрежденіямъ, въ образованіи которыхъ принимаютъ участіе всѣ государства, входящія въ составъ Германской Имперіи, но преобладающая роль въ которыхъ принадлежитъ Пруссіи (король прусскій является и императоромъ германскимъ). Что касается войска, то арміи всѣхъ союзныхъ государствъ поставлены подъ непосредственное начальство Пруссіи. Помимо этого результата, столь цѣннаго для Пруссіи въ военномъ отношеніи, созданіе ею Германской Имперіи осуществило давнишнюю мечту германскаго народа образовать одно могущественное государство.

Кромѣ того, война съ Франціей привела къ разгрому этого опаснаго для Германіи врага, къ присоединенію двухъ французскихъ провинцій (Эльзаса и Лотарингіи) и къ уплатѣ Франціею Германіи 5.000.000.000 франковъ контрибуціи и 4.500.000.000 франковъ военныхъ издержекъ (т. е. въ общемъ колоссальной суммы въ 3.562.500.000 р. золотомъ).

Эти военные успѣхи и достигнутое ими объединеніе нѣмцевъ въ одно государство еще болѣе увеличили упоеніе нѣмцевъ и въ особенности пруссаковъ ихъ арміей; за арміей и за военными начали ухаживать болѣе, чѣмъ когда-либо; значительная часть громадной контрибуціи пошла на созданіе военнаго флота и на дальнѣйшее увеличеніе арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ военные успѣхи создали вѣру Пруссіи въ ея превосходство надъ всѣми народами, при чемъ эта вѣра принимала характеръ невыносимаго самодовольства и презрѣнія къ другимъ народамъ, въ особенности къ тѣмъ, кого имъ случилось побѣдить. И главный залогъ этого своего превосходства Пруссія видѣла въ нѣмецкомъ „бронированномъ кулакѣ“.

Стремленіе къ усиленію во что бы то ни стало своей арміи, такъ называемый „милитаризмъ“, сводится не только къ тому, что на войско тратятся громадныя суммы, тяжелымъ бременемъ ложащіяся на народъ и мѣшающія болѣе производительнымъ расходамъ (на образованіе, на народное здравіе, на пути сообщенія), но и къ тому, что чуть ли не всѣ задачи государственнаго управленія оцѣниваются съ точки зрѣнія ихъ соотвѣт-

ствія военнымъ интересамъ, что на военную службу, какъ на болѣе почетную, стремятся лучшія силы, что и въ дѣлѣ нравственныхъ оцѣнокъ военная точка зрѣнія получаетъ преобладающее значеніе. Прославляются тѣ душевныя свойства, которыя полезны на войнѣ, хотя бы съ нравственной точки зрѣнія они и заслуживали полнаго осужденія. Жестокостью своею нѣмцы любуются, имъ не только не стыдно, но и лестно, когда ихъ называютъ варварами. Многіе нѣмцы, живущіе за предѣлами Германіи, не гнушаются шпіонничать, не стыдятся приготовлять военныя дѣйствія среди населенія, съ которымъ поддерживаютъ дружественныя личныя отношенія; правительство поощряетъ двойное подданство: нѣмецъ приноситъ присягу на вѣрность Россіи, но только для того, чтобы пользоваться всѣми правами, и продолжаетъ числиться и германскимъ подданнымъ, состоитъ въ запасѣ по германской арміи съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ войны измѣнить своему новому отечеству. Въ одной нѣмецкой инструкціи, которую французскому послу въ Берлинѣ удалось достать въ 1913 г., говорится, что „политическіе агенты Германіи должны заранѣе тщательно подготовлять денежными средствами народныя возстанія: они должны вспыхивать внезапно и сопровождаться разрушеніемъ путей сообщенія; надо, чтобы они имѣли руководителя, котораго можно найти среди главъ политическихъ партій или среди религіозныхъ главъ“ [89]).

На войну громадное большинство нѣмцевъ смотритъ, какъ на самое яркое проявленіе государственной жизни; въ ихъ глазахъ до сихъ поръ

она является не величайшимъ несчастіемъ, а чуть что не праздникомъ. Нѣмцевъ въ школахъ стараются воспитать такъ, чтобы они хотѣли войны. Въ Южной Германіи иногда раздаются голоса, указывающіе на то, что этотъ духъ военщины, созданный Пруссіей и ею навязанный всѣмъ нѣмцамъ, представляетъ крайнюю опасность для умственнаго и нравственнаго развитія германскаго народа. Но отдѣльныя лица оказываются безсильными въ борьбѣ съ общимъ духомъ, которымъ Пруссія заразила всю Германію.

Помимо побужденій, основанныхъ на самоупоеніи своею военной мощью, у современныхъ нѣмцевъ въ пользу войны имѣются еще и другія, основанныя главнымъ образомъ на условіяхъ экономической жизни Германіи. Условія эти очень сложны, и тутъ мы можемъ намѣтить ихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Какъ мы уже указывали, нѣмцамъ въ современной Германіи тѣсно. Они стараются захватить иностранные рынки для сбыта своихъ товаровъ; отчасти благодаря ихъ качеству, главнымъ образомъ, благодаря ихъ дешевизнѣ, Германіи это въ значительной степени и удается. Но этого имъ мало. Они стараются навязать другимъ странамъ выгодные для Германіи торговые договоры, какъ навязали намъ въ 1904 году, воспользовавшись нашимъ затруднительнымъ положеніемъ во время японской войны. Но такіе случаи не часто представляются. Поэтому у нѣмцевъ появляется стремленіе ихъ создать, а это можно только войною.

Германіи мало тѣхъ рынковъ, на которыхъ можно сбывать свои товары на ряду съ другими

народами; она стремится захватить такія земли, гдѣ она могла бы навязывать свои произведенія, и за послѣднее время Германія начала захватывать рядъ внѣевропейскихъ земель и основывать въ нихъ свои колоніи. Но лучшія земли въ Азіи, Африкѣ и въ Австраліи уже заняты англичанами, французами, голандцами и др. Поэтому Германіи надо ихъ оттуда вытѣснить силою, а это опять таки можно сдѣлать только войною.

За послѣднее время у Германіи возникло стремленіе подчинить своему вліянію Балканскій полуостровъ и всю Турцію для того, чтобы обратить ихъ въ рынокъ для сбыта нѣмецкихъ товаровъ и въ мѣсто приложенія германскихъ капиталовъ. Но въ этомъ имъ мѣшаетъ усиленіе славянскихъ государствъ, главнымъ образомъ Сербіи, опирающихся на Россію. Нѣмцамъ надо сломить Сербію и устранить русское вліяніе на Балканахъ. Для этого опять таки нужна война.

Словомъ, Германія въ настоящее время ставитъ себѣ такія цѣли, осуществленіе которыхъ мирными средствами для нея невозможно, и потому она вообще стремилась къ войнѣ, какъ къ единственному исходу изъ несоотвѣтствія современнаго положенія ея стремленіямъ.

Поэтому не только тѣ круги населенія, которые мечтаютъ о войнѣ во что бы то ни стало, но и тѣ сравнительно немногіе, кто вообще былъ бы противъ войны, теперь считаютъ ее въ Германіи практически необходимой. Приблизительно съ 1911—1912 гг., измѣнивъ своей прежней системѣ миролюбивыхъ заявленій, явнымъ сторонникомъ войны сталъ и императоръ Вильгельмъ [90]).

3.

Значеніе германскихъ вооруженій для остальной Европы.

Во времена Крымской кампаніи (1853 г.) громадная Россія при Императорѣ Николаѣ I, который былъ особенно преданъ военному дѣлу, имѣла армію въ 330.000 чел. мирнаго состава. Въ 1870 г. такую же армію имѣла сравнительно небольшая Германія. Затѣмъ Германія начала все время увеличивать свое войско. Въ 1881 г. у нея было уже 400.000 человѣкъ, въ 1893 г.—500.000; въ 1899 г.—480.000; въ 1912 г.—630.000 и къ веснѣ 1914 г.—810.000 человѣкъ арміи мирнаго состава. Что касается арміи военнаго состава, то она росла еще скорѣе: въ войну 1870—1871 гг. Германія выставила около 1.000.000 солдатъ, а теперь по офиціальнымъ даннымъ Германія передъ началомъ настоящей войны должна была имѣть 10 милліоновъ 250 тысячъ солдатъ [91]).

Такой громадный ростъ численности арміи сопровождался еще большимъ повышеніемъ и ея техническаго оборудованія (болѣе дорогое и сложное оружіе, болѣе сложныя крѣпостныя сооруженія, болѣе сложныя военныя суда и т. д.), такъ что расходы на армію росли въ еще большей степени, чѣмъ самая ея численность.

Послѣ прусскихъ побѣдъ 1864—1871 гг. и дальнѣйшаго увеличенія германской арміи и другія государства не могли оставаться при прежнихъ своихъ арміяхъ и начали ихъ увеличивать, ста-

раясь обезопасить себя отъ Пруссіи. Въ особенности приходилось напрягать свои силы Франціи и Россіи. Но каждое увеличеніе ихъ вооруженій вело за собой соотвѣтственное усиленіе вооруженія Германіи, на которое приходилось отвѣчать новыми усиліями; образовывался заколдованный кругъ.

Нѣкоторое представленіе о ростѣ военныхъ расходовъ могутъ дать слѣдующія цифры: шесть великихъ державъ (Россія, Англія, Франція, Германія, Австро-Венгрія и Италія) издержали на армію и флотъ:

въ десятилѣтіе	1881—1890 гг.	14,5	милліардовъ	руб.
„ „	1891—1900 „	18,1	„	„
„ „	1901—1910 „	29,4	„	„

Всего 62 милліарда [92]). Отъ Рождества Христова до нашихъ дней прошло меньшее число секундъ.

Если взять одинъ 1912 годъ, то по отдѣльнымъ государствамъ военные расходы, если ихъ разложить на душу населенія, составятъ:

въ Россіи	4 р.	23 к.	
„ Австро-Венгріи	5 „	08 „	
„ Италіи	6 „	76 „	
„ Германіи	9 „	80 „	
„ Франціи	12 „	54 „	
„ Англіи	14 „	90 „	[93])

Трудно даже представить себѣ, что бы могли дать человѣчеству тѣ же суммы, если бы онѣ рас-

ходовались какимъ либо производительнымъ образомъ. Дѣло не только въ тѣхъ громадныхъ денежныхъ средствахъ, которыхъ требуетъ нашъ „вооруженный міръ“, но и въ томъ, что современное войско отвлекаетъ отъ работы милліоны людей; ихъ приходится содержать казнѣ на народныя деньги вмѣсто того, чтобы они своимъ трудомъ кормили себя и другихъ. И это вѣрно не только относительно солдатъ, но и относительно людей, занятыхъ въ военной администраціи, въ интендантствѣ, на оружейныхъ заводахъ. Они всѣ могли бы приложить свои знанія къ какой либо общеполезной работѣ, а не къ тому, чтобы готовиться къ взаимному истребленію.

4.

Почему Германія особенно желала войны именно теперь.

Численность современной германской арміи и связанные съ нею расходы составляли для Германіи бремя, нести которое было все труднѣе и труднѣе. Наконецъ, въ 1913 г. въ Германіи было издано нѣсколько законовъ, которыми были установлены новые налоги для военныхъ цѣлей: закономъ 30-го іюня 1913 г. были установлены частью налоги постоянные, частью же налоги въ видѣ чрезвычайныхъ единовременныхъ взносовъ (предполагалось, что всего они дадутъ около полутора

милліарда марокъ). Затѣмъ, съ 1916-го года должны были быть введены еще новые налоги [94]). Но на дѣлѣ оказалось, что введенные налоги даютъ милліоновъ на 300 меньше того, что отъ нихъ ожидалось по предварительнымъ подсчетамъ, что деньги эти уплачиваются съ крайнимъ трудомъ, и что будущіе налоги (въ особенности наслѣдственная пошлина) встрѣчаются весьма несочувственно богатыми и вліятельными классами [95]). Такимъ образомъ оказывалось, что на томъ развитіи арміи, котораго Германія въ настоящее время достигла, ей придется задержаться. Между тѣмъ, какъ мы уже видѣли [96]), Россія и Франція какъ разъ сдѣлали новыя существенныя назначенія на армію и внесли въ нее существенныя улучшенія. Съ проведеніемъ изданныхъ въ Россіи законовъ она въ 1916 г. имѣла бы армію, большую, чѣмъ Германія, Австро-Венгрія и Италія, вмѣстѣ взятыя.

Такимъ образомъ то соотношеніе силъ между Германіею съ одной стороны и Россіею и Франціею съ другой, которое существуетъ сейчасъ, съ теченіемъ времени должно было измѣниться къ невыгодѣ для Германіи. Помимо этихъ чисто военныхъ соображеній, Германія съ неудовольствіемъ наблюдала все большее сближеніе Россіи и Франціи съ Румыніей и главнымъ образомъ съ Англіей. Поэтому для Германіи было ясно, что войну надо вести сейчасъ, или же отъ нея вообще надо отказаться. А такъ какъ Германія считала, что война для нея необходима, то для правящихъ круговъ Германіи было ясно, что ее надо начинать, не теряя времени. Нѣкоторою помѣхою для войны было то, что Кильскій каналъ, создающій

для Германіи возможность переводить военныя суда изъ Балтійскаго моря въ Сѣверное и обратно, не огибая Даніи, не былъ еще приспособленъ къ проходу наиболѣе крупныхъ судовъ и долженъ былъ быть готовъ только въ 1915 г. Но Германія усилила работы, и къ 20-му іюня 1914 года проходъ черезъ каналъ сталъ возможенъ и для самыхъ большихъ судовъ, и такимъ образомъ Германія могла считать для себя моментъ войны наиболѣе удачнымъ.

5.

Отношеніе къ войнѣ Австро-Венгріи.

Въ Австріи вліятельные круги тоже желали войны.

То, что теперь составляетъ Австро-Венгрію, въ XVII в. было совокупностью отдѣльныхъ разноплеменныхъ государствъ (нѣмецкихъ, венгерскихъ, славянскихъ, итальянскихъ), объединенныхъ подъ властью германскаго царствующаго дома Габсбурговъ. Въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX-го австрійскимъ монархамъ удалось слить эти отдѣльныя государства въ единое, по внѣшности чистонѣмецкое, хотя нѣмцы составляли тамъ лишь меньшинство населенія. Съ 1848 г. венгры начали стремиться къ обособленію, и въ 1867 г. это привело къ „соглашенію“, по которому единое прежде государство раздѣлилось на два: на Австрію и на Венгрію, но такъ, что они образуютъ „унію“: у

нихъ одинъ монархъ (императоръ австрійскій, онъ же король венгерскій); они имѣютъ общее министерство двора и иностранныхъ дѣлъ, общее военное министерство, министерство общихъ финансовъ, а во всемъ остальномъ образуютъ два совершенно обособленныхъ государства: у каждаго свои законы, свой парламентъ, свои министерства.

Въ венгерской половинѣ монархіи венгры составляютъ большинство населенія и держатъ всѣ остальныя народности (главнымъ образомъ румынъ, весьма многочисленныхъ въ такъ называемой Трансильваніи—части Венгріи) въ самомъ подавленномъ состояніи. Отношеніе венгровъ къ Австріи таково, что имѣется весьма многочисленная партія, желающая полнаго отдѣленія отъ Австріи.

Австрійская половина монархіи имѣетъ болѣе сложный племенной составъ и государственный строй. Сравнительно еще недавно нѣмцы занимали безусловно первенствующее положеніе: господствовалъ нѣмецкій языкъ, всѣ должности занимали нѣмцы; лица другихъ народностей, чтобы пользоваться положеніемъ въ обществѣ или на службѣ, должны были быть вполнѣ онѣмеченными. Съ середины XIX вѣка положеніе вещей мѣняется. Славянскія племена (чехи, сербы, поляки), составляющія въ совокупности большинство населенія, перестаютъ мириться со своимъ подавленнымъ положеніемъ. Чтобы примирить эти народности съ австрійскимъ царствующимъ домомъ и съ австрійскимъ государствомъ, въ 1867 г. всѣмъ (17-ти) „землямъ", на которыя дѣлится Австрія, была дана „автономія", т. е. каждой землѣ было предоставлено вѣдать почти

самостоятельно дѣла своего внутренняго управленія и, кромѣ того, право издавать съ утвержденія императора „мѣстные законы“. Только по опредѣленнымъ (правда, наиболѣе существеннымъ) вопросамъ, указаннымъ въ конституціи, законы издаются не сеймами каждой земли, а общегосударственнымъ парламентомъ (рейхсратомъ), тоже, конечно, съ утвержденія императора. Въ каждой землѣ офиціальнымъ языкомъ, кромѣ нѣмецкаго, является также языкъ большинства населенія данной мѣстности (чешскій, сербскій, польскій, итальянскій и др.).

Отдѣльныя области, получившія такимъ образомъ довольно значительную самостоятельность, этимъ не удовлетворяются, и нѣкоторыя изъ нихъ, (въ особенности Чехія) ведутъ настойчивую борьбу за расширеніе своихъ правъ. Съ перваго взгляда эта борьба производитъ такое впечатлѣніе, будто Австрія готова распасться на части; будто отдѣльнымъ областямъ и теперь уже предоставлено больше правъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ государствѣ, а онѣ желаютъ еще большаго, такъ что за центральною властью ничего уже не останется. Говорятъ, что Австрія уже и теперь не государство, а сшитый изъ разныхъ кусковъ плащъ, готовый разлѣзться по швамъ.

Это сильно преувеличено. Всѣ народности Австріи понимаютъ, что среди нѣмецкаго населенія каждая изъ нихъ, взятая отдѣльно, составляетъ ничтожное меньшинство, и что каждая отдѣльно будетъ раздавлена. Въ условіяхъ же австрійской государственности онѣ вмѣстѣ образуютъ такое цѣ-

лое, въ которомъ всѣ въ отдѣльности пользуются широкою самостоятельностью, но которое можетъ вести политику великой державы, защищая экономическіе и другіе интересы населенія и создавая условія его дальнѣйшаго развитія (пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ, напр. на Балканахъ, разработка крупныхъ законодательныхъ актовъ и т. д.).

Но во всякомъ случаѣ стремленіе къ большей самостоятельности отъ центра у отдѣльныхъ областей Австріи несомнѣнно есть, равно какъ у центра (нѣмецкаго, католическаго, реакціоннаго) несомнѣнно есть стремленіе увеличить свою власть и подавить существующую самостоятельность отдѣльныхъ народностей, въ особенности славянскихъ. Правительство Австріи давно уже желало войны, видя въ побѣдоносной войнѣ единственное средство поднять обаяніе династіи и центральной власти и увеличить сплоченность отдѣльныхъ частей монархіи.

Въ послѣднее время въ Австріи возникъ новый вопросъ—сербскій. Сама по себѣ Сербія (даже при всемъ томъ увеличеніи, котораго ей удалось достичь послѣ войны 1912 г.) является сравнительно съ Австріей незначительнымъ государствомъ, но она опасна для Австріи тѣмъ, что въ Австріи много сербовъ, больше, чѣмъ въ самой Сербіи, и среди нихъ существуетъ стремленіе соединиться съ Сербіею (такъ называемая великосербская идея). Австріи надо подавить Сербію, чтобы держать въ рукахъ своихъ сербовъ (въ Босніи, Герцеговинѣ, въ Славоніи и Хорватіи: хорваты тѣ же сербы, только католики). Кромѣ того, Сербія стоитъ на пути Австріи въ Балкан-

скій полуостровъ, гдѣ Австрія все стремится усилить свое вліяніе и даже свои владѣнія.

Австрійскимъ политикамъ была нужна война, и при томъ война побѣдоносная; по положенію своихъ финансовъ и по состоянію своего войска Австрія не была готова къ войнѣ съ какимъ либо сильнымъ противникомъ. Сербія какъ разъ была такимъ противникомъ, какого искала военная партія. Когда возникла опасность войны съ Россіей, Австрія сразу же пошла на уступки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нарушеніе нейтралитета Бельгіи и Люксембурга.

Для того, чтобы выяснить себѣ нравственное и политическое значеніе нападенія Германіи на Бельгію и Люксембургъ, надо имѣть въ виду, что это два „постоянно-нейтральныхъ государства“.

Надо различать: 1) просто нейтральное государство,—такое, которое въ данное время въ войнѣ не участвуетъ, но которое всегда и само можетъ начать войну, и которому всегда можно объявить войну, и 2) „постоянно-нейтральное государство“, такое, которое само обязано ни съ кѣмъ не воевать, и которому другія державы обязались войны не объявлять; такое положеніе постоянно-нейтральнаго государства создается особыми международными договорами: ими данное государство обязуется ни съ кѣмъ никогда не вести войны и не допускать на своей землѣ ничьихъ военныхъ дѣйствій (въ томъ числѣ и прохода войскъ какой-либо воюющей державы); тѣмъ же договоромъ другія державы обязуются съ этимъ государствомъ не воевать, а если на него кто либо нападетъ или

будетъ пользоваться его территоріей для своихъ военныхъ дѣйствій, то защищать его нейтралитетъ.

Постоянно-нейтральными государствами являются Бельгія, Люксембургъ и Швейцарія.

Постоянный нейтралитетъ Бельгіи былъ установленъ и признанъ державами (въ томъ числѣ и Пруссіей) при самомъ возникновеніи бельгійскаго королевства въ 1831 г., потомъ подтвержденъ въ 1839 г., въ 1870 г. и наконецъ (и не только Пруссіей, но и Германской Имперіей) гаагскою конвенціей 18-го октября 1907 г. Постоянный нейтралитетъ Люксембурга установленъ договоромъ 11-го мая 1867 г., подписаннымъ также и Пруссіей.

Различіе въ отношеніи державъ къ нарушенію нейтралитета Бельгіи и Люксембурга обусловливается тѣмъ, что въ то время, какъ Бельгія протестовала передъ всѣми державами противъ нарушенія ея нейтралитета и просила ихъ заступничества [97]), въ Люксембургѣ дѣло ограничилось личнымъ протестомъ великой герцогини, а затѣмъ люксембургское правительство не только не обратилось къ державамъ за поддержкою, но напротивъ того, само начало активно дѣйствовать совмѣстно съ германскими властями [98]).

Во время франко-прусской войны (1870—1871 гг.) Пруссія, еще не дошедшая до современнаго своего отношенія къ праву и до самоупоенія своей силою, не нарушала нейтралитета Бельгіи.

Нарушеніе нейтралитета Бельгіи и Люксембурга, произведенное въ настоящую войну, имѣетъ особое значеніе. Германія и Франція сосѣднія страны, но онѣ соприкасаются сравнительно небольшою частью своихъ границъ, ибо съ сѣвера

между ними вклиниваются Бельгія и Люксембургъ. Поэтому Германія защищаетъ (крѣпостями и гарнизонами) не всю свою западную границу, но только ту часть ея, которая непосредственно соприкасается съ Франціей. Франція поступаетъ такъ же, довѣряясь тому, что на нее не нападутъ такъ, какъ обѣщали не нападать. Такимъ образомъ нападеніе на Францію черезъ Бельгію было нападеніемъ измѣнническимъ, расчитаннымъ на то, что Франція, полагаясь на честность Германіи, сѣверную часть своей границы оставила менѣе защищенною.

Столь же измѣнническимъ это нападеніе было и по отношенію къ Бельгіи. Она воевать не собиралась, не хотѣла, никого не трогала. Но она обязалась не допускать ни чьихъ военныхъ дѣйствій на своей территоріи и противиться, даже силою, проходу по ней армій воюющихъ державъ. Германія вторглась въ Бельгію, поставила ее въ необходимость исполнить свои обязательства и сопротивляться и за это разграбила ее.

Самое нападеніе произошло при такой обстановкѣ. 18-го іюля, когда уже всѣ государства начали готовиться къ возможнымъ военнымъ дѣйствіямъ, германскій канцлеръ торжественно подтвердилъ Бельгіи, что Германія не нарушитъ ея нейтралитета [99]). Въ тотъ же день то же обязательство было дано и Люксембургу [100]). 20-го Германія потребовала отъ Бельгіи пропуска своихъ войскъ [101]) и 22-го дѣйствительно въ нее вступила.

Для оцѣнки нравственной стороны этого, какъ теперь оказывается [102]), задолго задуманнаго нападенія, характерны тѣ заявленія, которыя при этомъ

были сдѣланы отъ имени германскаго правительства: когда англійскій посолъ сообщилъ германскому канцлеру, что если Германія нападетъ на Бельгію, то Англія за нее вступится, канцлеръ удивлялся тому, какъ можетъ Англія волноваться „изъ-за слова нейтралитетъ, просто изъ-за какого-то клочка бумаги“, на которомъ о немъ говорится [103]), на что англійскій посолъ отвѣтилъ, что на этой бумагѣ есть и подпись короля прусскаго—императора Германіи.

Тотъ же канцлеръ говорилъ потомъ въ рейхстагѣ [104]), что Германія, нарушивъ нейтралитетъ Бельгіи, нарушила принятыя на себя обязательства, но что Германія находится въ состояніи борьбы, а тотъ, кто борется, долженъ думать только о своемъ успѣхѣ.

Германское правительство очевидно заявляетъ, что и впредь никакими своими обѣщаніями себя связаннымъ считать не будетъ. Образъ дѣйствій непонятный не только съ нравственной, но и съ чисто практической точки зрѣнія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ намъ относиться къ войнѣ.

I.

Задачи этой войны.

Не мы создали предлогъ для войны; мы сдѣлали все, чтобы ее предотвратить. Теперь, когда намъ войну объявили, намъ не остается ничего другого, какъ вести ее.

Въ манифестѣ 20-го іюля Государь говорилъ: „въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ его народомъ и да отразитъ Россія, поднявшись, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага“. Историческое засѣданіе Государственной Думы 26-го іюля показало, что всѣ, безъ различія партій и національностей, слились въ единодушномъ порывѣ.

Когда на человѣка напали, ему надо защищаться. Но отношеніе къ защитѣ можетъ быть разное. Если мы знаемъ, что нападеніе на насъ было вызвано какимъ либо роковымъ недоразумѣніемъ, можно стараться его устранить. Если напа-

дающій имѣетъ какую либо опредѣленную цѣль,— „кошелекъ или жизнь",—то можно подумать о томъ, не отдать ли кошелекъ и не уйти ли отъ грѣха. Но если мы знаемъ, что нападающій желаетъ именно нашей гибели, что если мы съ нимъ помиримся на чемъ либо сегодня, то онъ изловчится завтра, чтобы снова напасть и добить насъ, что того, чего ему хочется, никакими уступками не удовлетворишь, что ни въ какія соглашенія съ нимъ вступать нельзя, такъ какъ свои обѣщанія онъ считаетъ себя въ правѣ нарушить, когда это ему выгодно,—то съ такимъ человѣкомъ или съ такимъ государствомъ можно заключить миръ, только поставивъ его въ дѣйствительную невозможность возобновить нападеніе.

Нравственная обстановка нападенія на Сербію, веденія переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, нападенія на Бельгію—сама по себѣ достаточно краснорѣчива. Но въ теченіе самой войны Германія показала себя еще откровеннѣе.

Война сама по себѣ есть насиліе, зло. Жертвами этого насилія бываютъ не только тѣ, кто на него прямо обреченъ,—воюющіе,—но почти неизбѣжно и мирное населеніе. И всѣ культурные народы стараются уменьшить количество зла, связаннаго съ войною, стараются подчинить ее тѣмъ или другимъ правиламъ, которыя бы ограждали мирное населеніе и уменьшали количество страданій, причиняемыхъ другъ другу воюющими. Эти правила были выработаны въ рядѣ международныхъ договоровъ, главнымъ образомъ въ тѣхъ, которые были составлены на конференціяхъ, созванныхъ въ 1899 и въ 1907 г. въ Гаагѣ. Испол-

нять эти правила обязались также Германія и Австро-Венгрія.

Въ гаагской конвенціи 1907 г. имѣются между прочимъ такія постановленія: „воспрещается... незаконно пользоваться парламентерскимъ или національнымъ флагомъ, военными знаками и форменной одеждой непріятеля...“ „Равнымъ образомъ воюющему запрещено принуждать подданныхъ противной стороны принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ ихъ страны...“ (статья 23). „Воспрещается атаковать или бомбардировать какимъ бы то ни было способомъ незащищенные города, селенія, жилища или строенія“ (ст. 25). — Германіей въ свое время была подписана С.-Петербургская декларація 29 ноября 1868 г. объ исключеніи изъ употребленія взрывчатыхъ пуль и гаагская декларація 5 октября 1899 г. „о неупотребленіи пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ, къ каковымъ относятся оболочныя пули, коихъ твердая оболочка не покрываетъ всего сердечника или имѣетъ надрѣзы“.

Европейскіе народы вообще стремятся соблюдать правила войны. Къ стыду многихъ западно-европейскихъ народовъ надо сказать, что въ войнахъ съ некультурными народами они не считаютъ для себя обязательными эти правила, между прочимъ потому, что и дикари ихъ со своей стороны не придерживаются. Впрочемъ и въ европейскихъ войнахъ отдѣльные случаи нарушенія установленныхъ правилъ къ сожалѣнію неизбѣжны. Офицеры не всегда могутъ внушить ихъ каж-

дому солдату, но и поскольку солдаты ихъ знаютъ, въ пылу боя всегда могутъ быть случаи нарушенія. Но съ этимъ въ современныхъ арміяхъ стараются всемѣрно бороться.

Что же касается Германіи, то она, воюя съ народами, которые признаютъ установленныя правила войны, для себя обязательными ихъ не считаетъ. Тутъ характерно не только количество совершаемыхъ германскими войсками насилій надъ мирнымъ населеніемъ, оскверненія церквей или такого рода пріемовъ веденія боя, которые безусловно воспрещаются правилами (напр. выкидываніе бѣлаго флага, чтобы приблизиться къ непріятелю, переодѣваніе въ его мундиры и т. п.), — но и то, что все это совершается не только самостоятельно нижними чинами, но и по примѣру или по приказу офицеровъ или даже высшаго командного состава. Въ этомъ отношеніи германская армія является единственною въ мірѣ; австро-венгерская, повидимому, не такова.

Германія слишкомъ проникнута убѣжденіемъ въ собственномъ превосходствѣ и считаетъ, что благо всего міра зависитъ отъ преобладанія въ немъ нѣмцевъ, что всякій, кто идетъ противъ нихъ, уже потому одному есть врагъ человѣчества и заслуживаетъ безпощаднаго отношенія. Когда вопросъ идетъ о побѣдѣ нѣмцевъ, все должно уступать ихъ интересамъ. Германія провозглашаетъ, что всѣ даваемыя ею обѣщанія для нея не обязательны, если только того требуютъ ея военные интересы [105]). И установленныя правила войны нарушаются не только солдатами и офицерами, но и правительствомъ: оно рѣшаетъ

напасть на Бельгію и Люксембургъ немедленно послѣ обѣщанія не нападать на нихъ; оно снабжаетъ свою армію разрывными пулями; оно приказываетъ разрушать церкви; бомбардируетъ Реймскій соборъ въ теченіе вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ подъ тѣмъ ложнымъ оправданіемъ, будто тамъ французами одно время былъ устроенъ наблюдательный пунктъ; оно приказываетъ бросать бомбы на Соборъ Парижской Богоматери уже вовсе безъ всякаго оправданія; оно приказываетъ уничтожить лувенскій университетъ и его библіотеку; оно, не смѣя напасть на англійскій флотъ, посылаетъ германскій флотъ бомбардировать незащищенные города (Либаву, Скарборо), чего Германія обязалась не дѣлать.

Дѣло не только въ томъ, что германцы считаютъ, что по нуждѣ имъ все позволено; они смакуютъ свою жестокость, любуются ею; они горды, когда ихъ называютъ варварами, гуннами; Вильгельмъ самъ называетъ себя „бичемъ Божьимъ“, Атиллою.

Въ руководствѣ, составленномъ германскимъ генеральнымъ штабомъ для офицеровъ, ихъ прежде всего предостерегаютъ (во введеніи) отъ „преувеличенно-гуманныхъ взглядовъ“ [106]); по отношенію къ плѣннымъ для предупрежденія побѣговъ рекомендуется „самое безпощадное примѣненіе всѣхъ находящихся въ распоряженіи конвоя средствъ“ [107]); по непріятелю, который сдался и поднялъ бѣлый флагъ, можно продолжать стрѣлять, если необходимо „занятіе опредѣленныхъ пунктовъ“, и въ другихъ случаяхъ. [108]).

На сколько можно судить о надеждахъ и намѣреніяхъ германскаго правительства, то по крайней мѣрѣ относительно Франціи они сводились къ тому, чтобы отнять у нея всѣ ея азіатскія и африканскія владѣнія, взыскать контрибуцію въ 40 милліардовъ, заставить срыть крѣпости и уничтожить войско, и вообще „выпустить изъ нея кровь до послѣдней капли“. Побѣды такого государства человѣчество не можетъ допустить изъ простого чувства самосохраненія.

Вопросъ не только въ томъ опустошеніи, которому Германія подвергла Бельгію и подвергла бы всякую другую страну, но и въ томъ, что побѣда Германіи была бы торжествомъ государства, которое всего хочетъ только для себя, которое не признаетъ права на существованіе за другими народами, если интересы Германіи съ ними столкнутся. Человѣчество вѣковыми совмѣстными усиліями выработало для международныхъ отношеній извѣстныя правила. Германія ихъ не восприняла; она ихъ откровенно отрицаетъ. Тѣмъ, какъ Германія навязала эту войну міру, и тѣмъ, какъ она ее ведетъ, она ясно это показала. Побѣда Германіи надъ союзниками была бы міровымъ торжествомъ германской политики. Это было бы въ области международныхъ сношеній полнымъ крушеніемъ началъ нравственности и права.

Намъ надо ясно знать, что было бы, еслибы побѣдили нѣмцы. Бояться этого намъ нечего, потому что побѣдимъ мы.

Мы побѣдимъ, потому что на нашей сторонѣ правда. Мы себѣ чужого не хотѣли, мы только

вели переговоры, вступаясь за родственный намъ угнетенный народъ; мы мобилизовались только въ отвѣтъ на мобилизацію; мы дѣлали все, чтобы предотвратить войну. Англичанъ и французовъ въ этой войнѣ тоже рѣшительно не въ чемъ упрекнуть. Мы можемъ черпать силы въ сознаніи нравственной правоты.

Война началась съ виду не особенно благопріятно для насъ и нашихъ союзниковъ. На сторонѣ нѣмцевъ была большая подготовленность къ войнѣ, возможность гораздо скорѣе пустить въ ходъ всѣ свои силы. На первое время это и обезпечивало имъ перевѣсъ, позволило дойти до Парижа, до Варшавы. Но этого перевѣса оказалось недостаточно для рѣшительнаго успѣха, и ни Парижа, ни Варшавы они не взяли, и съ каждымъ днемъ силы ихъ таютъ, а наши растутъ, и равновѣсіе силъ склоняется теперь уже не въ ихъ пользу.

Мы побѣдимъ и должны побѣдить до конца. Иначе война съ Германіей начнется снова и въ еще болѣе ужасныхъ размѣрахъ.

Образъ дѣйствій Россіи съ твердостью предуказанъ Государемъ въ телеграммѣ гор. Москвѣ: „Да прекратятся сомнѣнія. Съ вѣрою въ помощь и благословеніе Всевышняго и въ силу могучаго воинства Россійскаго, великая Россія мира не заключитъ, пока не будетъ сломлено окончательно упорство врага и достигнуто осуществленіе завѣщанныхъ Намъ предками задачъ“ [109]).

Еслибы мы удовольствовались какими либо частичными успѣхами и пошли на миръ, оставивъ

Пруссію во главѣ объединенной Германіи, то Пруссія, которая намъ никогда не проститъ ни нашего успѣха, ни того, что она не достигла намѣченной цѣли, пожертвовала бы всѣмъ, чтобы побѣдить въ новой войнѣ; она не остановилась бы ни передъ какими денежными жертвами, ни передъ тѣмъ,чтобы всѣ очередныя задачи государственнаго управленія отодвинуть на второй планъ сравнительно съ задачами военными, ни наконецъ передъ тѣмъ, чтобы воспитывать все подростающее поколѣніе въ чувствахъ ненависти къ другимъ народамъ, жестокости и мщенія. Въ будущей побѣдоносной войнѣ Пруссія видѣла бы не только свой матеріальный интересъ, какой она видитъ и въ настоящей,—она видѣла бы средство загладить свой позоръ, возстановить то, чѣмъ она больше всего гордится, свою военную славу. Германія, руководимая Пруссіей, начала бы безконечно увеличивать свои вооруженія; за нею пришлось бы тянуться и намъ, и Франціи, и Англіи; въ еще большей степени, чѣмъ теперь, тѣ средства, которыя налогами извлекаются изъ населенія, шли бы не на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей государства, а въ бездонную пропасть вооруженій.

Эти вооруженія были бы гибельны не только для народнаго хозяйства, но и для умственнаго и нравственнаго развитія народовъ. Нельзя жить во взаимной враждѣ и ненависти; нельзя жить, все время подстерегая другъ друга и стараясь другъ на друга напасть врасплохъ. Ничего, кромѣ нравственнаго растлѣнія, не можетъ получиться отъ такого порядка вещей, когда одно государство по-

сылаетъ тьмы шпіоновъ въ другія, а само въ каждомъ иностранцѣ видитъ врага.

Тратамъ на армію, взаимной ненависти и недовѣрію народовъ другъ ко другу долженъ быть положенъ конецъ.

Россія давно уже къ этому стремилась. По почину нашего Государя въ 1899 и въ 1907 гг. были образованы конференціи въ Гаагѣ, на которыхъ государства должны были прійти къ соглашенію относительно уменьшенія вооруженій, установленія менѣе жестокихъ правилъ веденія войны и созданія международнаго третейскаго суда, который бы замѣнилъ войны. На этихъ конференціяхъ не удалось прійти ни къ какому соглашенію относительно ограниченія вооруженій или издержекъ на армію. Не было установлено также и обязательнаго третейскаго суда. Были выработаны и приняты всѣми государствами лишь правила относительно способовъ веденія войны. Но и эти правила Германія, ихъ принявшая и обѣщавшая ихъ исполнять, теперь постоянно нарушаетъ. Пока во главѣ Германіи стоитъ Пруссія съ ея преклоненіемъ передъ силою и войною, гуманныя стремленія человѣчества устранить войны или хотя бы даже смягчить ихъ ужасы останутся безплодными.

Нѣмцамъ, нѣмецкому народу, нѣмецкой культурѣ гибели никто не хочетъ. Въ нихъ много хорошаго, жизненнаго. Погибнуть долженъ прусскій милитаризмъ, разъѣдающій современную Европу, растлѣвающій и самихъ нѣмцевъ. Не только для себя, но и для того, что въ нѣмцахъ

есть хорошаго, нужна побѣда надъ современною Германіей. Пусть въ нѣмцахъ на смѣну преклоненія передъ бронированнымъ кулакомъ появится болѣе нравственное стремленіе къ мирному сотрудничеству съ другими народами.

Когда эта война началась, Государь въ манифестѣ 26-го іюля указалъ ея смыслъ: „устранить наконецъ вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію". И русскій народъ дѣйствительно оцѣнилъ эту войну, какъ средство устранить силою то, что не можетъ быть устранено иначе, и что дѣлаетъ миръ въ Европѣ непрочнымъ и препятствуетъ прекращенію вооруженій. Настоящая война имѣетъ для насъ свое великое нравственное оправданіе также и въ томъ, что цѣль ея—чтобы войны впредь стали невозможны. Это война за твердый и стойкій миръ.

2.

Война требуетъ жертвъ отъ всѣхъ насъ.

Война требуетъ великихъ жертвъ отъ ея непосредственныхъ участниковъ, отъ тѣхъ, кто тамъ, въ бою. Они оставили свои семейства, не зная иногда, какъ семейства безъ нихъ проживутъ. Они несутъ всѣ тягости и лишенія похода и жизни въ окопахъ. Они подвергаются опасности получить рану, всегда мучительную, не рѣдко навсегда лишающую человѣка трудоспособности, обращаю-

щую человѣка въ обузу себѣ и другимъ. Они всѣ могутъ быть убиты.

И если мы для себя, для Россіи ждемъ блага или по крайней мѣрѣ избавленія отъ грозящей намъ великой опасности, то для тѣхъ, кто будетъ раненъ, этому общему благу противополагается личное несчастіе. А тѣ, кто будетъ убитъ,—они этого общаго блага на себѣ не почувствуютъ, о немъ и не узнаютъ. Они погибнутъ за другихъ, себѣ не получивъ ничего, кромѣ страданій.

Тотъ, кто сражается, приноситъ великую и безкорыстную жертву. Велико должно быть сознаніе своего долга передъ родиною и самопожертвованіе у тѣхъ, кто идетъ въ бой.

Для каждаго человѣка, кто приноситъ себя въ жертву, конечно, важнѣе всего собственное сознаніе исполняемаго долга. Но этого одного сознанія бываетъ мало: въ томъ подвигѣ, который длится мѣсяцами, человѣку надо знать, что его жертва понимается тѣми, кому она приносится.

На тѣхъ, кто въ бою, война налагаетъ суровый долгъ жертвовать свои силы и свою жизнь, защищая всѣхъ. Но и на тѣхъ, кто остался дома, она налагаетъ обязанности: нравственно и практически поддержать силы и бодрость тѣхъ, кто ушелъ на войну. Мы должны сдѣлать такъ, чтобы наши защитники чувствовали, что они тамъ не забыты нами, что мы преисполнены къ нимъ благодарностью, что мы сознаемъ себя у нихъ въ долгу; мы должны стараться непосредственно это имъ выражать всѣми имѣющимися у насъ средствами. Мы обязаны выражать имъ наши чувства,

дѣлая все возможное, чтобы облегчить ихъ лишенія и смягчить ихъ страданія. Для этого мы должны идти на матеріальныя жертвы, и не по мѣрѣ силъ и возможности, а свыше того, ибо наша жертва, въ чемъ бы она ни заключалась, будетъ совершенно ничтожною сравнительно съ тою, какую они приносятъ.

Благодаря ихъ самопожертвованію, всякій изъ насъ спокойно живетъ, не подвергаясь насилію и разграбленію.

Эта война—народная. Русскій народъ понялъ ея значеніе и важность, онъ дѣйствительно желаетъ довести ее до полной побѣды. Эта война народная и въ томъ смыслѣ, что она по своей громадности требуетъ участія и усилій всего народа.

Теперь все общественное вниманіе, заботы всѣхъ должны быть обращены на войну. Она затягивается; къ ней начинаютъ какъ бы привыкать, и люди начинаютъ проникаться иными заботами, тѣми, которыя стояли на очереди до ея начала. Но тутъ на помощь долженъ прійти разсудокъ, сознаніе того, что война еще въ полномъ разгарѣ, что въ нее попрежнему надо вкладывать всю нашу энергію; жизнь остановиться не можетъ, но всѣ личные и общественные интересы должны быть подчинены войнѣ.

Не мы и не наши союзники вызвали кровопролитіе. Побѣда нашего врага была бы рѣшительнымъ шагомъ къ порабощенію всѣхъ народовъ, къ торжеству милитаризма и того начала, что сила выше права, что никакіе договоры не обязательны, если

они невыгодны, что жестокость высшее достоинство человѣка.

Нашъ врагъ опасенъ: силенъ и упоренъ, давно и хорошо готовился къ войнѣ. Борьба съ нимъ требуетъ крайняго напряженія всѣхъ силъ. Источникъ ихъ мы найдемъ въ своей нравственной правотѣ.

Мы правы не только въ томъ, какъ началась война. Мы не только защищаемъ себя и свое отечество. Мы и наши союзники отстаиваемъ высшія начала права и правды на благо всего міра.

Объясненіе сокращеній.

Англ. № 2. Correspondance du gouvernement britannique relative à la crise européenne, deposée sur le Bureau des deux Chambres du Parlement par ordre de Sa Majesté, août 1914, документъ, помѣщенный подъ № 2.—Есть русскій переводъ: Бѣлая книга. Переписка Англіи, относящаяся къ европейскому кризису, представленная обѣимъ палатамъ по повелѣнію Его Величества короля Георга V. Августъ 1914.—Нумерація документовъ во французскомъ и въ русскомъ переводѣ та-же, но двухъ послѣднихъ №№ (160 и 161) въ русскомъ переводѣ нѣтъ.

Бельг. Сѣрая Книга. Бельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 г.

Герм. Der Kriegsausbruch 1914. Thronrede. Kanzlerrede. Das deutsche Weisbuch. Kaiser, König und Zar. Deutsch-englischer Telegrammwechsel. 1914. — По цвѣту обложки казеннаго изданія (есть и частныя) оно называется „Бѣлою книгою“.

б. Нольде. Проф. бар. Б. Э. Нольде. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. Русская мысль. Октябрь 1914. Стр. 127—165.—Желающимъ ближе познакомиться съ ходомъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, рекомендуемъ эту прекрасную статью.

Русск. Сборникъ дипломатическихъ документовъ; переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г. — По цвѣту обложки это изданіе иногда называютъ „Оранжевою книгою“.

Франц. Documents diplomatiques. 1914. La Guerre européenne, 3 изд. 1914 г.—По цвѣту обложки его называютъ „Желтою книгою“.

---

1) Франц. №№ 34 и 54; Англ. №№ 2, 5, 11, 24, 25 и 32.—Всѣ числа приведены по старому стилю.

2) Англ. №№ 5 и 48.

3) Англ. №№ 18 и 46.

4) Русск. № 2.

5) Русск. № 16; Франц. № 36; Англ. №№ 14, 25 и 26.

6) Русск. № 18; Фран. № 57.

7) Англ. № 38.

8) Франц. № 21.

9) Англ. № 95; б. Нольде, стр. 132—133.

10) Франц. № 20.

11) Франц. №№ 15 и 60.

12) Герм., стр. 42—44.

13) Русск. №№ 6 и 10.

14) Русск. № 10.

15) Франц., стр. 156—157; Англ. №№ 5, 6, 10, 24, 59 и 87.

16) Франц. №№ 40 и 50.

17) Франц. №№ 41 и 42.

18) Русск. №№ 11 и 12; Франц. №№ 41 и 50; Англ. № 18; б. Нольде, стр. 134.

19) Русск. № 13.

20) Напр. Бельг. № 6; Англ. №№ 30 и 48; Франц. №№ 57 и 92.

21) Русск. № 27.

22) Франц. № 47.

23) Франц. № 88.

24) Франц. №№ 88, 89, 106 и 114.

25) Англ. №№ 20, 41 и 161.

26) Франц. №№ 28, 30, 37, 56, 61, 85, Англ. №№ 18 и 62, стр. 16 и № 13.

27) Франц. №№ 30 и 43; Герм., стр. 20, № 3, 10a и 10b.

28) Англ. № 62.

29) Англ. №№ 90 и 91.

30) Франц. № 50.

31) Франц. № 50; Англ. №№ 18 и 51, прил.

32) Англ. №№ 19, 24, 29, 35, 42, 49 и 52; Франц. №№ 70 и 71.

33) Англ. №№ 24 и 51, прил.

34) Англ. № 46; б. Нольде, стр. 144.

35) б. Нольде, стр. 145.

36) Франц. №№ 73 и 74; Англ. № 60.

37) Франц. № 80.

38) Англ. № 71; Франц. № 86.

39) Англ. №№ 43 и 84; Франц. №№ 73, 74, 77 и 85; Герм. № 12.

40) Франц. № 74; Англ. № 90.

41) Франц. № 83.

42) Англ. № 78.

43) Англ. №№ 45, 67 и 69.

44) Франц. № 83; Англ. № 81; Герм. № 16.

45) Англ. №№ 61, 62, 71 и 93[3].

46) Франц. № 91.

47) Франц., стр. 186; Герм. № 20.

48) Франц., стр. 187; Герм. № 21.

48a) Правительственный Вѣстникъ 18 янв. 1915 г.

49) Франц., стр. 187; Герм. № 22.

50) Англ. № 91; Герм., стр. 23—24, № 14.

50a) Герм. № 15.

51) Франц. № 99.

52) Франц. № 96; Англ. №№ 32, 40 и 161; б. Нольде, стр. 135—136.

53) Франц. № 104; Англ. №№ 96, 97, 99 и 103; Герм., стр. 22.

54) Франц. № 114.

55) Франц. № 107.

56) Англ. № 134.

57) Англ. №№ 118, 137 и 141.

58) Франц. № 102.

59) Франц. № 102.

60) Англ. № 43.

61) Франц., стр. 188; Герм. № 23.

62) б. Нольде, стр. 160.

63) Герм. № 26а; Франц., стр. 188.

64) Франц., стр. 188; Герм., стр. 23.

65) Герм., стр. 23.

66) Герм., стр. 23; Франц., стр. 189.

67) Англ. № 161.

68) Англ. № 103, прил. 3; Франц. № 104.

69) Герм., стр. 26; Франц., стр. 189.

70) Герм., стр. 25; Франц., стр. 190.

71) Англ., стр. 110.

72) Франц., стр. 165—166.

73) Англ., стр. 110.

74) Англ., стр. 111.

75) Англ., стр. 111.

76) б. Нольде, стр. 138.

77) Англ. № 85.

78) Англ. № 101.

79) Англ. № 123.

80) Англ. № 123.

81) Англ. № 123.

82) Франц., стр. 162—163, 168.

83) Франц. № 144.

84) Франц. № 144.

85) Бельг. №№ 41, 49 и 52; Англ. № 160.

86) Англ. № 160; б. Нольде, стр. 139.

87) См. выше, стр. 9.

88) Англ. № 123.

89) Франц., стр. 11.

90) Франц. № 6.

91) Handbuch der Politik, изд. Laband, Jellinek, Wagner, Liszt и др., 1912, томъ II, стр. 698.

92) Эти цифры заимствованы изъ книги Riesser, Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung. II изд. 1913 г., стр. 41.—, съ переводомъ его цифръ съ марокъ на рубли.

93) Тамъ же.

94) Новый Экономистъ, 1913 г. №№ 37—38, стр. 7—11.

95) Новый Экономистъ, 1914, № 22, стр. 7.

96) См. выше, стр. 23—25.

97) Бельг. №№ 42 и 43.

98) Напр. Франц. № 156 и три приложенія къ нему.

99) Бельг. № 12.

100) Франц. № 111.

101) Бельг. №№ 20 и 21.

102) Франц., стр. 11.

103) Франц., стр. 169—171; Англ. № 160.

104) Герм., стр. 11.

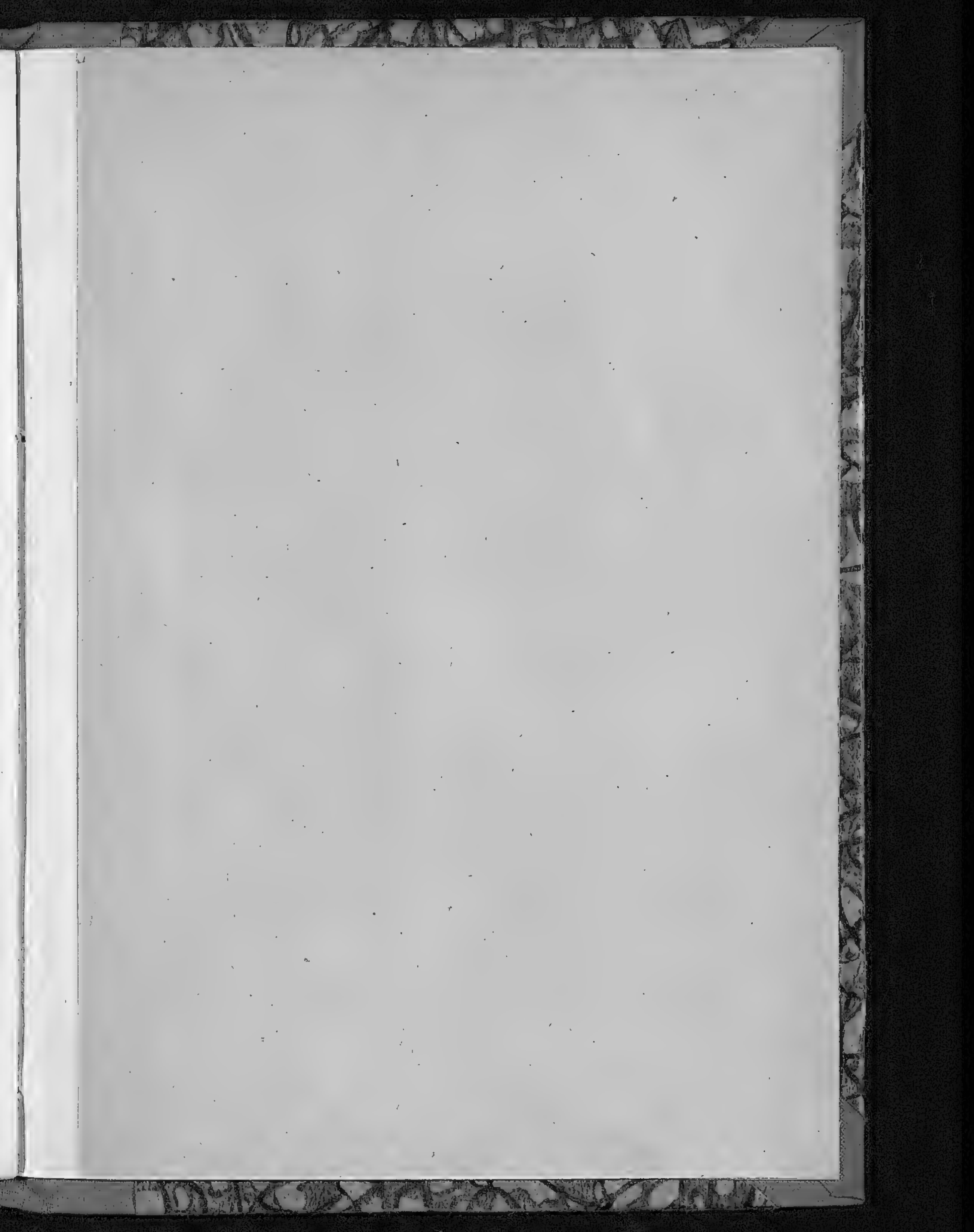
105) Франц., стр. 13; Герм., стр. 11.

106) Военные обычаи въ сухопутной войнѣ. Составлено германскимъ генеральнымъ штабомъ въ 1902 г. Переводъ полк. Михельсона. 1904 г., стр. 4.

107) Тамъ же, стр. 21.

108) Тамъ же, стр. 42—43.

109) Телеграмма отъ 1 ноября. Она была напечатана въ нѣкоторыхъ газетахъ, напр. въ „Новомъ Времени“ 2-го ноября.

Цѣна 30 коп.

Чистый доходъ отъ этой брошюры поступитъ въ пользу „Частнаго летучаго питательно-перевязочнаго пункта при 9-ой Арміи“.

Складъ изданія въ книжномъ складѣ „Право“.
Петроградъ, Литейный пр., № 28.

